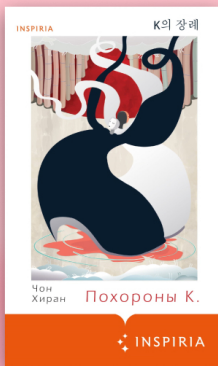

НЕ ТОЛЬКО ДОРАМЫ

— КОМПЛЕКТ ИЗ 3 КНИГ —

**Хван Согён
Чухе Ким
Чон Хиран**

**Не только дорамы.
Комплект из 3 книг**

Серия «Loft. Азиатский бестселлер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74070282

*Не только дорамы:
ISBN 978-5-04-249471-0*

Аннотация

Комплект из 3 книг – платите меньше, читайте больше!

В состав входят: Звери малой земли, Три поколения железнодорожников, Похороны К.

Комплектом выгоднее, чем покупать книги по отдельности
Звери малой земли

1917 год. Корея – японская колония. Крестьянская семья в отчаянном положении продает в школу куртизанок десятилетнюю дочь по имени Яшма. Ее единственным близким другом становится мальчик-сирота Чонхо, попрошайка с улиц Сеула. Повзрослев, Чонхо окажется вовлечен в революционную борьбу за независимость страны, а Яшма станет востребованной артисткой. Куда только не заносит судьба персонажей Чухе

Ким: от фешенебельных кафе Сеула до заснеженных лесов Маньчжурии, а где-то между страниц затаился тигр.

Три поколения железнодорожников

Номинант Международной Букеровской премии, Хван Согён искусно встраивает историю одной семьи в историю Кореи, делая железную дорогу символом прогресса, несущего как благо, так и зло.

В этом романе, персонажи которого иногда взаимодействуют с реальными историческими деятелями, а иногда и с призраками, нашли отражение важнейшие события корейской истории XX-XXI вв.

Несколько поколений семьи Ли последовательно борются с японскими, американскими, южнокорейскими властями за право свободно и достойно жить в своей стране.

Главную идею романа озвучивает один из персонажей:

«Этот несовершенный мир всегда меняется не так, как нам хотелось бы. Но даже на это уходит слишком много времени. Мы всего лишь пылинки в бесконечном потоке времени».

Похороны К.

Никто не может умереть дважды?

Отправляясь в путешествие к морю на поезде, Чжон Хиджон не подозревала, что в этот день встретит гражданина по имени К., который перевернет всю ее жизнь.

К. – знаменитый корейский писатель, уставший от жизни, Чжон – безработная девушка без цели. К. предлагает ей необычную сделку. Она получает славу, деньги, все, о чем она даже не могла мечтать, но взамен она должна стать им. Чжон соглашается и примеряет чужое лицо и чужую жизнь. Только вот

конфуз, однажды Чжон узнает, что К. умер. Причем задолго до их встречи...

*Цена комплекта рассчитана исходя из базовых цен. Во время акционных предложений цена отдельных книг может меняться

Содержание

Чухе Ким	6
Пролог	9
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Не только дорамы

Чухе Ким Звери малой земли

Посвящается моим матери и отцу

####

Juheon Kim

BEASTS OF A LITTLE LAND

Jacket design by Allison Saltzman

Landscape art courtesy of the National Palace Museum of Korea

Copyright © 2023 HarperCollins Publishers All rights reserved. Published by arrangement with Ecco, an imprint of

HarperCollins Publishers

Консультант-кореевед: Мария Осетрова

Консультант-японист: Анна Семида

© Батыгин К., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Пролог

Охотник

1917 год

Небо было белым, а земля – черной, как в самом начале мироздания, перед первым восходом солнца. Облака оставили высь и опустились так низко, что, казалось, притрагивались к земной тверди. В тумане смутно маячили силуэты огромных сосен. Все замерло и смолкло.

Появился одинокий путник – песчинка на фоне таинственного ландшафта. Охотник. Присев у свежего отпечатка лапы, все еще мягкого и словно хранившего толику тепла, он принялся в поисках направления, куда проследовала его жертва. Легкие мужчины заполонил пронизывающий запах снега. Зверолов улыбнулся. Легкий снегопад скоро должен был упростить выслеживание зверя. Судя по размерам следов, крупный леопард, предположил охотник.

Он выпрямился, беззвучно, как тень среди деревьев. Животные тихо передвигались по лесной чаще – их полноправной территории. Однако горы принадлежали и ему. Точнее, он, как и животные, принадлежал этим горам. Нельзя было сказать, что эти скалы были чрезмерно щедры к нему или приносили какое-то умиротворение. В местных лесах ни человек, ни зверь не могли ощущать себя в полной безопас-

ности. Но как леопард знает, каково быть леопардом, так и он в полной мере осознавал, что означало его бытие среди этих холмов: как ему нужно дышать, идти, думать и наносить смертоносный удар.

Землю под ногами преимущественно покрывали бу-ро-красные иглы сосен. Следов на пути попадалось все меньше. Вместо них охотник выискивал царапины на стволах или места, где заросли были едва заметно потревожены, свидетельством чему становились, например, зацепившиеся за сломанную ветку тонкие шерстинки. Человек смог сократить дистанцию, отделяющую его от добычи, но свою жертву он не видел уже больше двух дней. Провизия – шарики из жестковатого ячменя, приправленные только солью, – у него уже давно закончилась. Прошлую ночь он провел в развороченном стволе смолистой сосны, вглядываясь в яркий серп месяца и всеми силами пытаясь не заснуть. Впрочем, благодаря голоду и усталости походка становилась легче, а думы – яснее. Охотник пришел к мысли, что если его что-то и могло остановить, то только смерть.

Пока что на пути охотнику не получилось ничем поживиться. Кролики, олени и прочая мелкая живность попрятались на зиму, так что в последние месяцы леопардам приходилось не менее туго, чем людям. Рано или поздно погоня должна была подойти к концу, и тогда мужчина был готов прикончить зверя. И преследователь, и преследуемый остро нуждались в пище и отдыхе, но охотник был полон решимо-

сти продержаться дольше своей добычи – столько, сколько потребуется.

Мужчина добрался до поляны, окруженной молодыми соснами, которые кучкой выстроились у скалистой стены. Охотник подступился к обрыву и окинул взглядом окружающий его зимний горный пейзаж, в котором сочетались оттенки угольно-черного и пепельно-зеленого. Пелена облаков, подгоняемая ветром, застревала на холмистых столпах, развеваясь, подобно обрывкам шелка. Прямо под его ногами зиял провал в дикую белую пропасть. Охотник порадовался, что смог добраться до этого места. Леопарды любили обживать на высоких скалах. Весьма вероятно, что именно здесь ему и предстояло обнаружить логово зверя.

Что-то нежное и холодное мягко дотронулось до его лица. Охотник обратил взор к небу и увидел первые хлопья снега. Теперь можно было ожидать больше следов на пути. Надо было как можно скорее обнаружить добычу и покинуть горы, пока снег еще не выпал плотным слоем. Мужчина покрепче ухватился за лук.

Если природное чутье его не обманывало, то логово леопарда должно было находиться прямо под ним, на краю обрыва. Тягостному противостоянию предстояло скоро завершиться. Но теперь надо было задержаться на этой точке вплоть до того, как зверь выйдет наружу. А сколько это заняло бы – час или целых три дня, – предугадать было невозможно. Человек к тому моменту вполне мог бы скрыться с

головой под снежным покровом. И тогда его тело обратится в снег, камни и ветер, леопард насытится его нутром, а неокрепшие сосны впитают его кровь. Не станет его. Будто бы он никогда и не жил среди других людей у подножия этих гор.

В той, другой, жизни он служил в армии Корейской империи¹ и числился одним из лучших стрелков страны. Некому было тягаться с ним по умению стрелять как из винтовки, так и из лука. Вдохновившись всевозможными поговорками по поводу характерных черт жителей различных провинций Кореи, люди прозвали его тигром из Пхеньяна. Ведь эти свирепые звери обитали на каждой горной вершине и у каждой опушки леса того малого края, который даже древние китайцы именовали «страной тигров». Но охотнику это прозвище было больше к лицу, чем крестьянам из южных окраин державы. Мужчина вырос среди прирожденных охотников, которые привыкли выживать на земле, слишком обрывистой и суровой для возделывания.

Отец следопыта в свое время также нес воинскую службу в Пхеньяне. Каждый раз, когда военнотружущим недоплачивали причитающееся жалованье, родитель уединялся в горах. Чаше всего он возвращался домой с тушами оленей, зайцев, лисиц, фазанов и прочей мелкой дичи, но иногда ему удавалось повалить и кабанов, черных медведей, леопардов

¹ *Корейская империя* – наименование Кореи в период с 1897 по 1910 год, до аннексии полуострова Японией. (Здесь и далее прим. пер.)

и волков.

Когда охотник был еще ребенком, его отец смог в одиночку убить тигра. Зверя стащить с горы удалось только при содействии шести сильнейших мужчин из деревни. По возвращении односельчане окружили их плотным кольцом. Дети бежали впереди ликующей толпы. Стоимость шкуры тигра значительно превышала солдатское жалованье за целый год. Грузную тушу уложили под сень дерева гинкго на деревенской площади. Женщины каким-то образом сотворили целый пир из ничего – то был их особый талант. И все напились допьяна рисовой брагой цвета молока.

Но той ночью отец, сидевший со скрещенными ногами на каменном полу, который все еще хранил тепло лучей солнца, заметно помрачнел.

– Не убивай тигра, если только у тебя нет другого выбора, – сурово молвил отец.

– Но, отец, мы же теперь разбогатели. Сможем купить много риса, – заметил сын. Обрубок свечи скромно мерцал между ними. Свет едва пробивался сквозь мрак, который обволакивал их, подобно плотному зимнему одеялу. Мать и сестры возились с шитьем или уже спали в другой комнате. Единственными звуками, сопровождавшими их беседу, были приглушенные переключки между совами, отправившимися на охоту.

Отец смерил сына взглядом и заявил:

– Ты с ранних лет подстреливаешь зайцев и фазанов.

– Да, отец.

– Можешь попасть в фазана со ста метров.

– Да, отец, – гордо признал он. Во всей деревне не было лучника, способнее его. Ну, кроме отца.

– Ты сможешь попасть в дерево с тех же ста метров, а потом вдогонку пришиллить первую стрелу еще одной?

– Да, отец.

– Так скажи мне: под силу тебе убить тигра? – спросил отец. Сын было собирался сказать «Да»: он в самом деле думал, что уже дорос до этого. Однако тон отца подсказывал, что на этот вопрос был только один верный ответ: молчание.

– Покажи-ка мне свой лук, – попросил отец. Сын поднялся, принес лук и положил его на пол между ними.

– Не имеет значения, насколько ты хорош как лучник. Таким орудием тигра не убьешь, – заявил отец. – На больших расстояниях лук бессилён. К тому же тигр не фазан. Таким луком ты в лучшем случае ранишь тигра метров с двадцати или чуть меньше. Смертельно ранить его ты сможешь только метров с пятнадцати. А знаешь ли ты, как быстро тигр может преодолеть эти пятнадцать метров?

Сын безмолвно признал неведение.

– В тигре почти три метра от кончика носа до кисточки на хвосте. Ему под силу, при желании, в один прыжок перемахнуть через дерево посреди нашей деревни. Для тигра перепрыгнуть через нашу хибарку – что для тебя или меня перескочить через лужицу на дороге. Выстрелишь в тигра

слишком рано – только слегка ранишь и разъяришь его. Выстрелишь поздно или промахнешься – тигр тебя достанет в мгновение ока. Пятнадцать метров до тебя тигр пролетит в считаную секунду.

– Но, отец, ты же сегодня убил тигра, – удивленно отметил сын.

– Говорю тебе: убивай тигра только в том случае, когда у тебя другого выхода нет. Да и то только тогда, когда тигр попытается прикончить тебя первым. Во всех остальных случаях сторонись тигров. Ты меня понял?

* * *

Воспоминания нисходили на охотника столь же мягко, как снежинки с небес. Он спрятался за камнем, из-за которого открывался вид на выступ. Снег, задувавший в глаза и ноздри и намерзавший коркой на голых руках, не давал сконцентрироваться. Снегопад оказался более обильным, чем ему показалось на первый взгляд. С такой высоты открывался отличный вид на облака, гонимые ветром с востока. Было очевидно, что снег будет валить еще долго. В голову сразу пришла мысль, что ему следовало спускаться с горы в тот самый момент, когда он ощутил запах снега, склоняясь перед мокрым отпечатком лапы.

Но просто наблюдать за тем, как его дети, тихие, как мышки, неподвижно сидят посреди их домика, он уже не мог. У

ребятишек не осталось сил даже болтать друг с другом. Он пообещал им вернуться с чем-то съедобным. Если бы ему удалось подстрелить оленя или кролика, то он бы уже давно был дома и наблюдал за тем, как личики детишек загораются искорками радости, как фонарики. Но вместо этой удачи судьба подсунула ему след леопарда и соблазн одной шкурой окупить полугодовой урожай.

«Не выпало ли мне умереть именно сегодня?» – застучал в висках вопрос. На охотника вдруг навалилась невероятная усталость. Тело оставило все напряжение, которое помогало сохранять вертикальное положение. Снежный сугроб ему вдруг напомнил пиалу обжигающе горячего белого риса, который он ел не более пяти раз за всю жизнь. Эта мысль не вызвала гнева, наоборот – он расхохотался. Смех ветром пронёсся по его худому телу. Следопыту хотелось еще немного помечтать о том, что он хотел бы успеть съесть перед смертью: тушеные ребрышки в соевом соусе с шинкованным зеленым лучком, а вдобавок – бульон из бычьего хвоста, такой ароматный, пряный и наваристый, что превратившийся в желе костный мозг пристаёт к нёбу. Как-то раз он отведал эти блюда во время праздничного застолья. Впрочем, миражи были не столь сильны и соблазнительны, как другие воспоминания, которые захлестнули его.

Перед глазами промелькнул день, когда он впервые увидел Суни, идущую в долину под руку с сестрами на поиски побегов папоротника и соцветий полыни. Ей тогда было

13 лет, ему – 15.

А вот Суни, наряженная в зеленый жакет и красную юбку, целиком расшитые по шелку цветами. На голове – украшенная камнями накладка. Весь наряд – обязательные атрибуты во время придворных выходов принцесс. Обычным же людям дозволялось надевать такое самое большее раз в жизни, по случаю свадьбы. Брак был столь священным для богов и людей, что даже дочери скромного крестьянина-арендатора, рожденной и прожившей всю жизнь в окружении тканей из белой пеньки, нетронутой красителями, дозволялось, пускай на один день, вообразить себя самой почтенной особой. Он же был облачен в официальный костюм императорского министра: голубой халат с поясом и шляпу из вороного конского волоса. Односельчане отпускали громкие шуточки в его адрес. «Глянь, как он смотрит на невесту! По нему сразу видно, что этой ночью ему будет не до сна!» Прекрасная Суни не поднимала взора от земли, даже когда переходила с места на место. К девушке по обе стороны приставили двух дам, которые поддерживали ее, пока она мелкими шажочками передвигалась под спудом тяжелых одеяний. Молодых поставили лицом к лицу перед алтарем. Они по очереди потчевали друг друга вином из чаши. И теперь он и она оказались связаны друг с другом на веки вечные.

Наступила ночь, и их наконец оставили наедине друг с другом у супружеского ложа. Он осторожно размотал множество пластов шелка, составлявших роскошное одеяние, в

котором многие поколения невест из их деревни сочетались браком. Суни изменила обычная беззаботность, она стояла перед ним совсем смущенная. Да и он сам чувствовал необычайное волнение. Но вот свеча была погашена, он обхватил ее гладкие плечи, целуя кожу цвета ясной луны, а она обвила его талию ногами и приподняла бедра, отдаваясь его ласкам. Он почувствовал ошеломление, а затем благодарность, ведь она хотела его так же, как он желал ее. Никогда он не мог бы представить себе, сколь всеобъемлющим будет счастье от их единства. Это ощущение было абсолютной противоположностью эмоций, которые переполняли его среди горных вершин – наивысшего счастья в его представлении до той минуты. Если в горах его сопровождало упоение от высоты, прохлады и одиночества, то теперь он испытал экстаз глубины, тепла и единения. Он обнял ее, а она спрятала голову в укромный уголок, который образовался между его плечом и грудью.

– Счастлива ли ты? – спросил он.

– Хотела бы я, чтобы мы так и остались здесь до самого конца, – прошептала она. – Мне так радостно. У меня не возникло бы ни малейших сожалений, если бы смерть пришла за мной прямо сейчас. Я бы даже не разозлилась на нее.

– Я тоже, – откликнулся он. – Я чувствую то же самое.

Охотник ощутил, как он проваливается в водоворот нежных, смутных воспоминаний. Как же приятно было на мгновение оторваться от реальности и побыть в окружении теней

прошлого. К чему бояться медленного расставания с жизнью? Это все равно что пересечь порог мира грез. Охотник прикрыл глаза. Он почти что видел, как Суни выходит к нему и ласково зовет его:

– Милый мой муженек, я тебя заждалась совсем. Возвращайся домой.

– Почему ты оставила меня одного? – ответил он на зов. – Знаешь ли ты, как тяжело мне пришлось?

– Я всегда была с вами, – молвила бесхитростно Суни. – С тобой и детьми.

– Я хочу последовать за тобой, – сказал он в ожидании, что она его заберет с собой.

– Нет, еще не время, – проговорила она.

Его глаза широко распахнулись. Он понял, что услышал что-то наяву. Мягкое дыхание, которое раздавалось со стороны обрыва, где плотным облачком, как пары фимиама, собрался морозный туман. Охотник инстинктивно вздернул лук, заведомо зная: даже если он подстрелит зверя, все равно есть вероятность, что он не переживет спуск с горы. Сейчас ему просто хотелось избежать участи послужить трапезой для леопарда.

Он скорее почувствовал, чем увидел, как леопард взбирается по склону. Силуэт животного прорезал темную мглу. Охотнику оставалось только вздохнуть и опустить оружие, когда он увидел, кто направлялся ему навстречу.

Это был никакой не леопард, а тигренок.

Зверь от носа до кисточки на хвосте был такой же длины, как расстояние между широко распахнутыми в разные стороны руками охотника. Тигренок уже вымахал как раз размером со взрослого леопарда. Для тигренка он уже был крупноват, но явно еще был слишком молодой для самостоятельной охоты. Тигр с любопытством уставился на охотника, поддериывая полукруглыми ушками, покрытыми белой шерстью. В его спокойных желтых зрачках не читались ни угроза, ни ужас. Тигренок определенно видел человека впервые в жизни и выглядел слегка озадаченным появившимся перед ним странным наваждением. Охотник крепче вцепился в лук. Человека осенила мысль, что и он впервые видит тигра в пределах досягаемости стрелы.

Тигры, преследуемые японцами на каждом холме и в каждой долине, были вынуждены удалиться в самые дикие горные местности, куда не ступала нога человека. Подскочили цены на их шкуры, кости и даже мясо, не представлявшее прежде особой ценности. Мясо тигра теперь считалось изысканным деликатесом на столах у богатых японцев. Те были уверены, что поедание плоти тигра вселяет в человека доблесть зверя. Было принято устраивать банкеты для обвешанных эполетами и медалями офицеров и разодетых в платья по европейской моде дам высшего света. В вихре смен блюд гости кусочек за кусочком поедали целые тигриные туши.

Один подстреленный зверь – и он сможет закупиться провиантом на три года вперед. Может быть, даже еще останется

денег на участок земли. Он купит своим детям безопасность и покой.

Но ветер, воющий у него в ухе, заставил опустить лук и стрелу. *Никогда не убивай тигра, если только тот не решил-ся убить тебя первым.*

Человек встал, чем заставил тигренка отступить назад, подобно испуганному деревенскому псу. Зверь даже не успел растаять в тумане, как охотник развернулся и начал, продираясь сквозь плотную пелену снега, спуск с горы. Прошло всего несколько часов, а снег уже доходил ему до икр. Чувство глухой пустоты внутри, от которой походка была легче, теперь с каждым шагом тянуло его ближе к земле. Дрожащие деревья окутали серовато-бледные сумерки. Охотник обратился с молитвой к божеству горы. «Я не тронул твоего зрителя. Дозволь же мне дойти до подножия».

С наступлением ночи метель прекратилась. Он добрался до середины горы, когда ноги отказали ему, и он сел на колени в снег. Охотник оказался, подобно зверям, которых он привык преследовать, на четвереньках. Когда и локти обессилели, ему оставалось только зарыться под покров белой пыли, притягательно мерцающей в лучах лунного света. Напоследок ему подумалось: «Надо бы повернуться лицом к небу». Так он и сделал, тяжело перевалившись на спину. Месяц встретил его мягкой улыбкой. Это было наивысшее милосердие, которое ему могла даровать природа.

– Мы ходим кругами, – заявил капитан Ямада Гэндзо. Спутники, столпившиеся вокруг него, выглядели перепуганными. Не только потому, что его слова были чистой правдой, но и потому, что Ямада осмелился озвучить их несчастное положение в присутствии начальника.

– У деревьев с этой стороны более густая растительность. Значит, юг – вон там. Но мы идем в прямо противоположном направлении уже битый час! – воскликнул Ямада, едва скрывая раздражение. Офицеру едва исполнился 21 год, но он уже вел себя как человек, привыкший отдавать приказы и высказывать мнения, которым никто не смел перечить. В этом читались замашки, присущие наследнику влиятельной и могущественной семьи. Семейство Ямада было ветвью древнего клана самураев, а отец капитана – барон Ямада² – был близким другом самого генерал-губернатора Кореи Хасэгавы³. Сыновей и Хасэгавы и Ямады обучали гувернеры-англичане. Прежде чем поступить на службу, Гэндзо успел вместе с кузеном из рода Хасэгава побывать и в Европе

² В восточных странах принято обращаться к лицам по фамилии с добавлением должности, титула или официального обращения. Сохраняем этот обычай по тексту.

³ *Граф Хасэгава Ёсимити* (1850–1924) – маршал Императорской армии Японии, генерал-губернатор Кореи (1916–1919).

и в Америке. Капитаном он оказался в относительно юном возрасте. Даже вышестоящий по рангу майор Хаяси старался осторожничать в присутствии подчиненного.

– Нельзя продолжать топтаться так на одном месте, ваше благородие. – Капитан Ямада наконец обратился напрямую к майору. Вся остальная компания – четверо сержантов, начальник местной полиции Фукуда, два его подчиненных и их проводник-кореец – остановила движение.

– Что же, на ваш взгляд, нам следует делать, капитан? – Майор Хаяси задал вопрос с нарочитой медлительностью, словно они находились все еще в тепле барака, а не посреди заснеженных гор, на которые стремительно надвигалась ночь.

– С минуты на минуту стемнеет, и если уж мы сбились с дороги при свете дня, то ночью мы тем более ее не найдем. Надо разбить лагерь на ночь. Главное сейчас – не замерзнуть насмерть. Мы сможем спуститься с гор с первыми лучами солнца.

Компания притихла, с трепетом ожидая ответ майора Хаяси. Тот никогда не терял самообладание перед лицом дерзости капитана Ямады. Однако на этот раз, когда они оказались в столь проблематичном положении, зарождавшийся конфликт грозил завершиться мятежом. Майор Хаяси удостоил подчиненного взглядом, полным холодного безразличия. Таким взором прицениваются к паре новых сапог или обдумывают, как содрать шкурку с кролика. Несмотря на свойствен-

ные ему грубость и брутальность, Хаяси не был из той породы людей, которые склонны к произвольным вспышкам ярости. Наконец он повернулся к одному из сержантов и распорядился начать устраивать ночлег. Мужчины, заметно успокоенные этим, разошлись в разные стороны в поисках дров для костра или чего-то другого, чем можно было поживиться в морозную слякоть.

– Не ты... Ты остаешься здесь, со мной, – бросил майор Хаяси в спину попытавшемуся было поспешно удалиться корейскому проводнику, робкому созданию по имени Пэк. – Или ты думаешь, что я дам тебе так просто уйти от меня?

Пэку оставалось только заламывать руки и скулить, глядя на свои ноги, закутанные в тряпки и упрятанные в размокшие кожаные ботинки.

Вскоре после назначения в префектуру майор Хаяси поинтересовался у начальника полиции Фукуды, где можно было бы поохотиться на дикого зверя. Фукуда, вооруженный детально проработанными докладами и информацией о каждом корейце, который проживал в радиусе 80 километров от него, порекомендовал трех местных людей, которые должны были отлично справиться с сопровождением группы охотников. Двое из проводников занимались выращиванием картофеля и слыли дикарями даже по корейским меркам. Люди этого толка обычно не спускались со своих нагорий, где они спаривались друг с дружкой и питались тем, что им давала земля. С окружающим миром они пересекались лишь

пару-тройку раз за год, в базарные дни. Эта парочка знала каждую веточку и каждый камушек в этих горах. Но только Пэк – разъезжий торговец шелком – говорил по-японски. И к всеобщему сожалению, в особенности самого Пэка, майор Хаяси видел в этом его большее преимущество в качестве проводника.

* * *

Бородатый мужчина, лежащий на заснеженном склоне, лицом к луне – этот образ будет маячить в памяти у капитана Ямады до самой последней минуты его жизни. Не успел Ямада и на пять метров продвинуться вглубь леса в поисках хвороста, как он чуть не споткнулся о распластанное на белом покрове тело. Оправившись от первого шока, капитан Ямада подивился больше всего тому, как спокойно возлежал мужчина: спина – к земле, руки – поверх сердца. Словно он и не замерз насмерть, а просто уснул, умиротворенный мигмом наивысшего упоения. Не меньшее удивление произвело на офицера и то, насколько бедно и легко был одет тщедушный человек. Стеганая курточка была столь хлипкой, что под тканью невооруженным взглядом просматривались острые углы ключиц.

Капитан Ямада описал круг вокруг тела. Затем – к чему, он и сам себе не мог объяснить впоследствии, – он опустил-ся, пока ухо не замерло над посиневшим лицом.

– Эй... Эй! Очнись! – заорал он, осознав, что из ноздрей мужчины еще вырывались легкие порывы воздуха. Когда ответа не последовало, капитан Ямада взялся за лицо человека и легко шлепнул его по щекам ладонями. Мужчина начал еле слышно стонать.

Капитан Ямада уложил голову лежащего обратно на снег. У него не было ни единой причины желать прийти на помощь какому-то *тёсэндзину*⁴, а тем более этому полумертвому тупому корейскому бревну, больше походившему на паразита, чем на полноценного человека. Капитан Ямада двинулся было обратно в лагерь, но через несколько шагов, сам не зная почему, вернулся назад к страждущему. Сердце человека напоминает временами беспросветную чашу, в которой скрывается не одна тайна. И такими бывают сердца даже настолько трезвых и рациональных людей, как Ямада. Он с легкостью подобрал *тёсэндзина* на руки, будто тот был ребенком.

– Что за чертовщина? – гаркнул майор Хаяси, когда капитан вернулся со своей ношей в лагерь.

– Нашел его в лесу, – сообщил Ямада, укладывая человека на землю.

– К чему тебе вдруг понадобился мертвый *тёсэндзин*? Если ты только не вздумал использовать труп вместо дров...

⁴ *Тёсэндзин* – «кореец» (яп.). Несмотря на то, что слово обозначает жителей Кореи, сейчас не принято так называть выходцев из страны. Среди корейцев, в частности, распространено мнение, что это пренебрежительное по отношению к ним обозначение.

Но это совсем дурная затея – костер получится никудышный, носи его обратно туда, откуда взял.

– Он еще живой. Похоже, охотился в этих местах в одиночку. А значит, он хорошо знает эти места. Вполне возможно, что у него получится отыскать дорогу обратно на равнину, – сдержанно заметил капитан Ямада. Плохо прикрытый подкол за мягкосердечность он пропустил мимо ушей. Ведь то, что в репертуаре мотивов и эмоций Ямады не было места снисхождению, было отлично известно обоим офицерам.

Вернулись и остальные члены экспедиции. Капитан Ямада приказал Пэку переложить лежащего в беспамятстве соотечественника поближе к костру и кричать ему в ухо по-корейски. Когда мужчина начал приходить в себя, Пэк, улыбаясь во весь рот, как умалишенный, позвал всех к огню.

– Господин! Господин! Он вернулся к жизни!

Капитан Ямада повелел Пэку накормить человека хлебцами и сушеной хурмой из собственных запасов.

– Только дай хлебцам слегка отмокнуть в снегу. А то он подавится ими, – посоветовал капитан Ямада. Пэк все исполнил, как велели. Он уложил голову мужчины себе на колени и приговаривал что-то успокаивающее по-корейски.

– Они знакомы друг с другом? – осведомился майор Хаяси во время ужина, который состоял из промерзлых *онигири*⁵

⁵ *Онигири* – традиционное японское блюдо: пресный рис, слепленный в виде треугольника или шара; зачастую дополняется начинкой и заворачивается в сушеные водоросли.

и небольшой порции маринованных слив. У компании с собой даже оказалась бутылочка *sake*, которую вдруг повеселевшие и подобревшие сержанты теперь передавали по кругу.

– Кажется, нет. Пэк вроде бы не признал его, – сказал капитан Ямада. Мужчина был неизвестен и начальнику полиции Фукуде. А вот один из его помощников предположил, что это может быть крестьянин-арендатор по имени Нам. Тот выделялся на фоне остальных обездоленных местных крестьян только тем, что когда-то служил в вооруженных силах Корейской империи. Этот факт и привлек к нему внимание стражей порядка.

– Опасный, получается, малый. Гадюка... – заметил майор Хаяси.

– И гадюка может оказаться полезной. На мой взгляд, стоит сохранить его жизнь хотя бы еще на одну ночь. Вдруг поутру он сможет вывести нас с этой проклятой горы, – отсек с неизменным спокойствием капитан Ямада. Пресытившись всего несколькими хлебцами и одной сушеной хурмой, он начал готовиться к первому караулу.

* * *

Утро наступило без рассвета. В сероватом сиянии нового дня перед ними вновь возник лес. В отсутствие солнца плотная завеса теней придавала окружающему миру ощущение

полной невесомости. Деревья, камни, снежные глыбы – все казалось сотканным из воздушной серебристой пряжи. Они оказались в некоем безвременье, мире, потерявшемся среди других миров.

По пробуждении в такое утро капитану Ямаде сначала показалось, что он еще грезит. В голову пришла успокаивающая мысль, что в следующий раз, когда откроются его глаза, он обнаружит себя в тепле и уюте собственной постели. Но уже в следующий момент его осенило, где именно он находился, и от разочарования у него скрутило живот. Но и по натуре, и по воспитанию он был приучен ценить глас разума и воспринимать с недоверием всполохи чувств. К любви и даже дружбе он относился с презрением, причисляя их к заблуждениям, достойным лишь низших классов – женщин и мужчин, непригодных считаться представителями сильного пола. Главную проблему с эмоциями он видел в том, что это реакции на внешние стимулы, а не проявления собственной воли и сознательного мышления. Посему Ямада отчитал самого себя за то, что дозволил жалостливые мысли, и поспешил сбросить с себя одеяло.

Ямада встал и вышел справить нужду. И за этим занятием он обнаружил в считанных метрах от места, где он спал, следы огромных лап, намотавших не один круг вокруг лагеря. Ямада разбудил Пэка и охотника, которые спали в обнимку, чтобы не замерзнуть. При одном упоминании следов Пэк сразу же вскочил и начал что-то лихорадочно втолковывать на ко-

рейском охотнику. Тот, несмотря на слабый и болезненный вид, сохранил взгляд, необычайно пронзительный для человека, который чуть не умер прошлой ночью. Охотник что-то прошептал, и Пэк помог ему подняться.

– Что он говорит? – спросил капитан Ямада, наблюдая, как охотник осматривает следы и бурчит что-то по-корейски.

– Утверждает, что это почти наверняка тигр. Нет другого зверя, который оставлял бы после себя следы размером с крышку котелка. Это известно всем, – пояснил Пэк. – А теперь говорит, что нам нужно уходить. Прямо сейчас. Тигр всю ночь нас прождал, и он не в духе.

– Как это получилось, что никто из караульных не заметил тигра? – поинтересовался капитан Ямада голосом, полным досады на тех, кто сменил его на посту. Пэк передал вопрос охотнику и перевел ответ:

– Говорит, что тигр не захотел, чтобы его увидели. Тигры показывают себя человеку только тогда, когда они хотят быть увиденными. И ни секундой раньше. Мы у них дома. Это их земля. Нам лучше всего убраться отсюда подобру-поздорову.

– Чепуха! Если эта зверюга предстанет передо мной, пока мы будем спускаться с горы, то я разделаюсь с ней! А шкуру и мясо преподнесу генерал-губернатору, – заявил капитан Ямада. – Трусливые *тёсэндзины*! Вам неведома храбрость.

Пэк лишь низко опустил голову в знак согласия. Однако

никакие слова не могли отменить факт, очевидный для всех, в особенности для капитана Ямады: чем раньше они начали бы спуск с горы, тем лучше было бы для них всех. Охотник шел впереди, демонстрируя поразительную ловкость с учетом того, что единственное, чем он перекусил за последнее время, была небольшая порция рисовых сухарей вперемешку с водорослями и соленьями. Судя по всему, он привык довольствоваться скудным пайком. Капитан Ямада конфисковал лук и стрелы у охотника, но тот, похоже, воспринял это как само собой разумеющееся, без каких-либо проявлений обиды или доводов в свою защиту, и теперь быстро скользил между деревьями.

– Если вздумает убежать от нас – сразу стреляй, – отдал распоряжение майор Хаяси.

– Есть, господин майор, – ответил капитан.

Солнце так и не сподобилось явить свой лик в этот тускловатый день, но окружающий мир и без очевидного источника света сам по себе становился ярче. Ветер колот им кожу бесчисленными остриями невидимых ледышек, ставшими лишь более беспощадными и студеными за прошедшую ночь. От каждого шага в снегу оставались глубокие провалы. Охотник периодически бросал на них обеспокоенный взгляд. Он что-то сказал Пэку, который передал сообщение капитану Ямаде.

– Он просит нас поторопиться, – умоляющим голосом проговорил Пэк. – Он уверен, что тигр следует за нами по

пятам и скоро нас настигнет.

– Все вы *тёсэндзины* – жалкие, малодушные черви сплошь и рядом, – пренебрежительно заявил капитан Ямада. – Скажи ему, что мы вооружены не луками и стрелами, а огнестрельным оружием. Офицеры Императорской армии Японии не бегут от зверей. Мы охотимся на них.

Притихший Пэк прошмыгнул обратно на свое место в их очереди, за охотником. Остальные улыбками и кивками поддержали мнение капитана и начали хвастаться о многочисленных вылазках на охоту и несметном множестве животных, которых им удалось завалить после прибытия в Чосон⁶: детенышах снежного барса с прохладными, как лед, голубыми глазами, черных медведях с белым полумесяцем на груди, многочисленных оленях и волках. Впрочем, никто не мог заявить, что когда-либо и где-либо охотился на тигров, которые, вопреки повсеместному распространению, считались хитрейшими из всех тварей.

С течением времени похвальба сменилась молчанием. Лишенные возможности наблюдать передвижение солнца по небосклону, они могли догадаться об истекшем времени по обостряющемуся чувству голода и нарастающему отчаянию. Никто из них не планировал провести почти целый день в неизвестности. После не особенно роскошного ужина практи-

⁶ *Чосон* – обозначение корейского государства, существовавшего с 1392 по 1897 год. В данном случае наименование работает как устоявшееся обозначение Кореи как таковой.

чески все участники процессии покончили со своими запа-сами съестного еще за завтраком. Долго они шли онемевшим маршем, пока охотник вдруг не остановился как вкопанный. Поднятая вверх рука призывала остальных последовать его примеру. Охотник указал в сторону дерева, все еще слегка покачивающегося и разбрасывающего вокруг россыпи снега, хрупкого и белого, как брызги влаги, поднимаемые морской волной.

– Что стряслось? – спросил капитан Ямада у Пэка. Но прежде, чем тот успел что-либо ответить, до их ушей донесся пугающий своей глубиной звук, напоминающий раскаты грома в сезон затяжных дождей. Они ощутили на себе пристальный взгляд, в котором ощущалась неизъяснимая властность. Взор исходил от мелькающего ковра ядовито-рыжих и аспидно-черных полосок, который промелькнул меж деревьям прямо перед ними, в какой-то паре десятков метров. Тень без всякого стеснения созерцала их, замерев на месте. Лишь изредка слегка вздымалась лохматая грива, подернутая инеем. Посреди окружающей их бездвижной белизны тем ярче мерцали живым огнем желтые глаза с черными как уголь зрачками.

В следующий миг солдаты уже вздернули винтовки и все как один нацелились на тигра, который так и остался стоять, как статуя. По кивку Ямады офицеры выпустили первый град пуль, который сверкающим потоком хлынул прочь от скопища людей. Спровоцированный выстрелами тигр рва-

нул вперед и двинулся прямо в их направлении. Казалось, что он парит в воздухе. Считанные метры до вмерзших в землю солдат он преодолел в мгновение ока. Капитан Ямада ощутил, как похолодело его сердце. Но тут кто-то проскочил перед ним. Это был охотник. Тот задрал обе руки в воздух и прокричал:

– Не надо! – Голос огласил опушку леса, потревожив деревья. – Нет!

Тигр, не замедляясь, сделал рывок в сторону и полетел в направлении кричащего.

– Нет! Нет! – все повторял охотник, пока тигр не остановился в метре от него. Зверь смерил человека желтыми глазами и вдруг развернулся, удаляясь столь же быстро, как появился. Когда солдаты возобновили стрельбу, тигр уже успел скрыться в чаще, помечая путь алой кровью, которой был обгажен каждый след левой задней лапы.

– Чего вылупились? – завопил майор Хаяси. – Руки в ноги, быстро за ним! Далеко от нас он не уйдет. Прикончим его до заката.

Охотник что-то быстро проговорил Пэку. Престарелый торговец взмолился:

– Этот человек считает, что нам следует оставить тигра в покое. Раненый тигр гораздо опаснее здорового. К тому же тигры крайне злопамятны. Они помнят все причиненное им зло и все сделанное им добро. Раненый тигр будет действовать на поражение. Даже если мы убьем тигра, то мы уже не

сойдем с горы. Еще одну ночь здесь мы не переживем. Сегодня более холодный день, чем накануне... Так говорит этот человек, господин.

Майор Хаяси окинул взглядом подчиненных. Деморализованные солдаты явно не хотели преследовать и загонять в горы огромного зверя, которого даже рана не остановила.

На счету Хаяси были не только охотничьи экспедиции, но и вылазки на поле боя, последние – совсем недавно, в Маньчжурии ⁷, против русских. А также, само собой разумеется, умирение волнений и подавление бунтов в Корее. Хаяси никогда не отказывался вступить в бой и никогда не обращался в бегство. Но не от переизбытка храбрости, которую он считал равнозначной безрассудству. Нет, единственное, во что он верил, – это успех. Кровожадность Хаяси лишь косвенно служила удовлетворению его собственных желаний. В первую очередь она позволяла ему обеспечивать собственное превосходство среди товарищей и устрашать нижестоящих. А поскольку для Хаяси успех был связан исключительно с соображениями практической целесообразности, а не проявлениями благородства духа, он отдал предпочтение тому варианту действия, который бы принес ему максимальную выгоду, и приказал корейшке-охотнику вести их прочь с гор.

⁷ *Маньчжурия* – историческое наименование региона, который соответствует современным провинциям Ляонин, Хэйлунцзян и Цзилинь на северо-востоке Китая.

Но все время по пути вниз с возвышенности и вдаль от подстреленного зверя они будто ощущали у себя на затылках пронизывающий взгляд тех желтых глаз. Наконец они вышли на тропинку, которая виднелась даже под плотным слоем снега. Несколькими часами позже они вышли из зарослей, и их взору открылась долина, посреди которой раскинулась деревушка. Укрытые соломой крыши домиков светились янтарным светом в долгожданных лучах солнца, которое наконец выглянуло сквозь пелену облаков ближе к линии горизонта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.